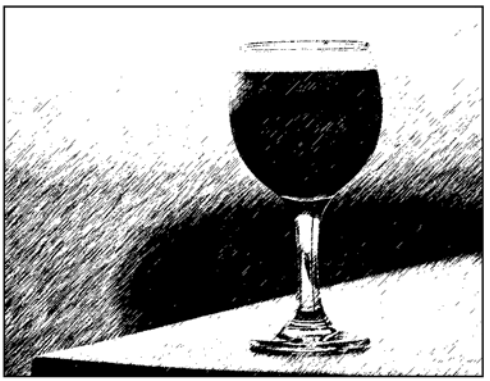
РЕТРОДЕТЕКТИВ

ГРАНАТОВЫЙ ДОМ

ИРИНА ЛОБУСОВА

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2021



ГЛАВА 1

Окна были распахнуты, но его все равно не покидало ощущение духоты. Тяжелая, твердая влажная подушка забивала ноздри. Похоже, вечером несколько часов шел дождь. Сергей не знал. Он не понимал, где находится и сколько еще здесь ему находиться.

Но дождь вполне мог пройти, потому что душное облако мокрой тряпкой прижималось к его лицу, застревая солевой коркой, высыхающей на губах.

В общежитии снова гуляли до самого утра. Какие-то люди забились в его комнату. Спал ли он на своей кровати, да и где была его кровать? Это не имело никакого значения, если он не знал главного: где тот мир, в котором он находится?

Сергей сполз вниз, больно ударился о пол, потирая руку, перешагнул через какие-то тела и добрал-

ся до двери. Распахнул ее. В глаза сразу же бросился серо-белый казенный коридор с тусклой лампочкой, оплетенной проволокой, всегда напоминающей ему розу за решеткой.

«Это концлагерь», — подумал он в самый первый раз, когда очутился здесь, и потрогал проволочную сетку рукой. Мысль так и пульсировала в нем: это концлагерь, и он умрет от высокого напряжения. Ведь проволока — это тот враждебный крюк, который зацепит его здесь. А потом прибьет к стене, словно залетевшую на свет бабочку.

Именно для этого нужны были люди вокруг, очень много, бесконечно много людей — чтобы не дать себе зацепиться за проволочный каркас. Ведь ничего, кроме чужих, безразличных тел, не могло спасти от этого света.

Он задыхался. Ноздри, рот, горло были забиты ватой из липкого стекла, воздушной прослойкой, впитавшей в себя все запахи: кисловатого вина, черствого, вчерашнего хлеба, водопроводной воды и запах неска́занных слов, тех самых, которые он мог произнести, но так и не сделал этого... У слов, конечно же, был самый страшный запах. От него кружилась голова.

С интересом он вдруг задумался: а ел ли он что-нибудь со вчерашнего дня? Не вспомнил... Впрочем, это было уже не важно.

Снова переступив через какое-то тело, застрявшее на самом пороге двери, Аджанов вышел в кори-

дор. Свет здесь был совсем тусклым. Рывок, и руки его уперлись в холодный остов стены — он почему-то пошатнулся и едва устоял на ногах.

«Холодное начало», — закружилось в голове. Сценарный термин, означающий, что первый эпизод заканчивается избитой шуткой. Да, эта шутка была стара как мир — упереться в стену, чтобы не упасть и устоять на ногах! Достойный эпизод для «холодного начала».

В коридоре духота не ушла, наоборот, она стала еще более плотной, словно находящегося в нем Сергея запечатали сургучом, как бандероль, упакованную так, чтобы ее отправили по железной дороге к неведомому адресату.

Впрочем, он был бы не против. Хоть какое-то разнообразие в жизни — путешествие куда-нибудь. Но так не бывает. Нет такой почты.

Медленно, пошатываясь, держась за стены влажными, скользящими ладонями, Сергей двинулся вперед. Он шел и с горечью думал о том, что, к сожалению, не может лежать, как все, в половине второго ночи отрубившись от болтовни и вина, и находиться в своем коконе, думать о своем.

Он не мог бы сказать, что пил больше других — ровно столько же, сколько и все, не больше и не меньше. Пил потому, что вино отправляло в полет, и еще потому, что здесь было принято пить, потому что без этого дешевого алкоголя не вырастали крылья.

Сколько амбиций и разговоров слышали эти стены! А какие высказывались мечты, стоило лишь смешать крепкий самогон с молодым вином или виноградным соком! Это были мечты о великом кино, которое снимет каждый из них, о славе и восхищенных потомках, о деньгах и квартирах, полученных еще до того, как на экране появятся последние, заключительные титры...

Мечты будущих победителей, мечты и мечты... Почти как в рассказе Чехова «Слова, слова и слова». Сколько их парило под потолком в сизом дыме дешевых папирос, сколько вырывалось в раскрытые окна и улетало в небо!

Но Аджанов отличался от остальных. Он знал, что до неба не долететь, потому что вокруг духота. И потому, что он это знал, ноги несли его прочь из общежития киностудии в половине второго ночи.

Хоть куда-нибудь уйти. Сдвинуть эту влажную подушку духоты, придавленную к его лицу. Сделать хоть что-нибудь...

Больше месяца прошло с того самого дня, как редактор вернул Сергею сценарную заявку по «Гранатовому дому», и он уничтожил первоначальный вариант сценария. Но не полностью — то, что служило основным стержнем и толчком, он оставил. Только переместил действия в современность. А потом...

Потом слова хлынули из него безудержным потоком. Аджанов писал и писал, не обращая никакого

внимания на шум вечеринок и пьяную дурь в голове. Он пил стаканами сердитое молодое вино и, примостившись на продавленном стуле за письменным столом, который неизвестно как оказался в его комнате, торопился, но почти без помарок заполнял каждый лист бумаги.

Кто-то подходил к нему, что-то говорил, трогал за плечо — он не чувствовал ни единого прикосновения, не слышал ни одного слова. Сергей писал с яростью, с каким-то безудержным фанатизмом отверженного, словно он оказался заключенным в этом бумажном листе, и изливать это бесконечное множество слов было для него единственным способом выбраться наружу.

В душной грязной комнате общежития Аджанов видел картины, которые своей правдой могли заставить содрогнуться целый мир. И он хотел почувствовать дрожь этого мира, добраться до самых его костей, чтобы эта правда не исчезла бесследно в душных лабиринтах обыденности. Он прекрасно понимал, что напоминает со стороны фанатика или одержимого. Но ему было все равно.

Сергей видел то, что никто кроме него не видел, ощущал то, что никто больше не мог почувствовать. И эта правда давила на него, не позволяла дышать, не позволяла жить. Он не знал, что с этим делать. Смириться или, наоборот, противиться?

Изредка это погружение в себя затуманивалось сомнением: почему он настолько отличается от всех?

Но он тут же отгонял прочь от себя все эти мысли и мучительные раздумья, выдергивал их, как занозы выдергивают из руки. И единственным, что имело смысл, был только письменный стол, неизменный плацдарм его невидимых боевых действий, от которых тело будто покрывалось ранами, но становилось крепким, как броня.

Однако так длилось до того момента, пока жаркие осенние дни не сменились первыми заморозками, а с дождями на Аджанова снова дохнуло неимоверной духотой. И духота эта, охватив лицо и душу, вмиг сковала его пальцы.

Сергей иссяк. Он часами сидел над чистым, девственно чистым листом обыкновенной ученической тетрадки. Рваные, неровные строки больше не покрывали бумагу. Настроение исчезло. Смысл жизни — тоже. Аджанов вдруг понял, что его сценарий написан только до половины. Столько сомнений, мыслей, тревог — и всего половина пути. Что писать дальше, он не знал. Впервые за столько дней он отошел от письменного стола. Потом вернулся к вечеринкам.

Вино, суета, шум, толкотня... Результатом этого и стала та духота, которая постоянно вливалась в раскрытые окна. В одну из таких ночей кто-то толкнул его в бок — он тогда уснул просто на полу, на каком-то брошенном одеяле.

— Да закрой ты окна! В комнате холод такой, — сердито прошипел Артур, толкая Аджанова локтем.

Сергей сел на жестких досках и вдруг все понял. На следующее утро, проснувшись очень рано, он побрился, принял душ и, переодевшись, впервые за столько дней, пошел пешком к Лидерсовскому бульвару.

Именно там, на углу, была конечная остановка трамвая. Под деревом напротив остановки он увидел чистильщика обуви. Раскурив свернутую из газеты самокрутку, тот смотрел на проходивших мимо людей прищуренными желтоватыми глазами.

Аджанов подошел поближе, что-то сказал.

— Иди куда шел, мил-человек! — усмехнулся чистильщик. — С такими-то штиблетами...

Он был абсолютно прав. Рваные сандалии, которые Сергей не менял с лета, оставляли желать лучшего.

Но только теперь он заметил очень важное: пристальный прицел внимательных желтых глаз и то, что старик был инвалидом. У него не было ноги — деревянная культя на кожаном ремне выглядывала из-под широкой грязноватой штанины. Но при этом сам старик был достаточно чисто и аккуратно одет, да и материалы для чистки обуви в деревянном ящике были у него самые отменные.

— Война? — Аджанов неприлично долго задержал взгляд на его культе.

— Она самая, — усмехнулся чистильщик, и Сергей вдруг подумал, что он совсем еще не стар, просто есть то, что старит человека гораздо сильнее времени.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог **3**
Глава 1 . . . . . **15**
Глава 2 . . . . . **27**
Глава 3 . . . . . **41**
Глава 4 . . . . . **55**
Глава 5 . . . . . **69**
Глава 6 . . . . . **82**
Глава 7 . . . . . **95**
Глава 8 . . . . . **109**
Глава 9 . . . . . **121**
Глава 10 . . . . . **134**
Глава 11 . . . . . **147**
Глава 12 . . . . . **160**
Глава 13 . . . . . **173**
Глава 14 . . . . . **186**
Глава 15 . . . . . **199**
Глава 16 . . . . . **212**
Глава 17 . . . . . **226**
Глава 18 . . . . . **241**
Глава 19 . . . . . **253**

Глава 20 . . . . . **266**
Глава 21 . . . . . **279**
Глава 22 . . . . . **292**
Глава 23 . . . . . **309**
Глава 24 . . . . . **322**
Глава 25 . . . . . **339**
Глава 26 . . . . . **372**
Глава 27 . . . . . **386**
Эпилог **396**